

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/zolot/yasinskiy_leykin.html.

Однажды в конце семидесятых годов я зашел в магазин готового платья в Гостином дворе. Приказчик стал бросать на прилавок пиджаки, чтобы я выбрал.

- Тут мокро, - сказал я, - вы испачкаете товар.

- Не очень мокро-с, - отвечал приказчик с улыбкой, - сладкий кружочек от стакана чая. Это господин Лейкин изволили пить чай, так мы из уважения к их посещению не стираем. Уже обсохло! - и он провел рукой по кружку.

- Почему же такое уважение к Лейкину? А я, правду сказать, не читал еще этого писателя.

- Как можно, вы извольте прочитать, очень смешно и убедительно пишет, положительно поднял "Петербургскую газету"; без него - какая это была газета? В руки нельзя было брать, больше взятками промышляли. Бывало, придет сотрудник и норовит продернуть магазин, по лицу уже видишь, что замышляет, и дашь трешницу - отступись только. А как господин Лейкин вступили в газету, об этом что-то больше не слышать стало. Сотрудники не нуждаются, есть чем платить. Лейкин больше апраксинцев изображают; всё очень верно подмечают и, прямо сказать, цивилизации служат. Прогрессивный писатель, на каламбурном амплуа собаку съели, первоклассный сатирик, смело можно аттестовать.

- Помилуйте, вроде Щедрина?

- Не слыхали-с; с нас господина Лейкина достаточно. Каждый день читаем только господина Лейкина.

Я все-таки долго не принимался за Лейкина. В старых "Отечественных записках" была напечатана его повесть из купеческого быта, я потом вспомнил, под названием "Христова невеста". Автором был описан купеческий предсвадебный пир, мальчишник и девишник в банях. От описания этого веяло какой-то древней, почти языческой обрядностью, какими-то российскими сатурналиями.

Может быть, из Лейкина выработался бы более серьезный писатель с бытовыми красками, но писать для журналов было невыгодно, и Лейкин, обладавший коммерческим умом, предпочел ежедневный газетный фельетон в такой газете, которая могла быть распространена при его содействии в среде, из которой он сам происходил.

Он был мещанин. Семья его была мелкобуржуазная, все его интересы высоко не поднимались, хотелось ему иметь свой домик, своих собачек, послеобеденный отдых, свой квас после трехчасового предвечернего сна и свою, боготворящую его публику. Всего этого он достиг.

Фельетоны его в "Петербургской газете", в которую я наконец стал заглядывать, проникнуты были, действительно, иногда смехонадрывательным комизмом. Такие выражения, как "мое почтение с кисточкой", "вот тебе и фунт изюму" и тому подобные, были введены им в употребление, и если он выдвигал мошенника, то называл его "профессором": "Что-нибудь созорничать - на это он первый профессор". Иные называли его юмористом, но юмора у него не было. Чтобы быть юмористом, надо быть глубоким человеком. Комизм и юмор - огромная разница. В сатире - страдание за человека, и гнев, и негодование на него и на обстоятельства, доведшие его до безобразия, до черного порока, до потери образа человеческого, до бездарной пошлости. А Лейкин старался только насмешить, и от этого безобидно было для гостинодворцев и апраксинцев его "каламбурное амплуа".

С Лейкиным я познакомился следующим образом: в юмористическом журнале "Осколки", который стал издавать Лейкин, не прерывая своего сотрудничества в "Петербургской газете", участвовал Чехов под псевдонимом Чехонте, как и в других юмористических изданиях. Когда Чехов прославился и загремел, в "Петербургской газете" появилась карикатура: какая-то декадентская прожорливая птица схватила лапами меня и Чехова и куда-то тащит. Было это намеком на наши повести, появившиеся одновременно и показавшиеся карикатуристу изменой классическому стилю.

Тогда лее в "Осколках" во всю страницу был изображен я с подлинным моим лицом, но с туловищем карлика. Я стою в редакции перед редактором, похожим на Лейкина, и предлагаю ему кипу рукописей. Под цветным рисунком этим было подписано: "Числом поболее, ценою подешевле".

Обе эти карикатуры были безобидны, но Виктор Бибиков рассердился и обиделся и, встретив на пароходе Лейкина, схватил его за плечи в припадке бешенства, вдруг охватившего его, и, по его словам, хотел выбросить несчастного комического новеллиста за борт, да Лейкин оказался грузным. При этом Бибиков кричал: "Как ты смеешь, свинья, оскорблять великих писателей!". Скандал был большой. Публика отняла Лейкина, который, как и Бибиков, впал тут же в истерику.